

Література

1. Людський розвиток в Україні: можливості та напрями соціальних інвестицій (колективна науково-аналітична монографія) / За ред.. Е.М. Лібанової. – К.: Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України, Держкомстат України, 2006. – 356 с.
2. Людський розвиток регіонів України: аналіз та прогноз (колективна монографія) / За ред.. Е.М. Лібанової. – К.: Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України, Держкомстат України, 2007. – 328 с.
3. Столяров В.Ф., Шинкарюк О.В. Основи формування фінансового механізму державного регулювання регіонального розвитку // Збірник наукових праць. Вип. 5. Економічні науки. – Чернівці: Книги–ХХІ, 2009. – с. 92–105.
4. Столяров В.Ф., Шинкарюк О.В. Методологія розробки програм та бюджету регіону в контексті людського розвитку // Збірник наукових праць. Вип. 6. Економічні науки. – Чернівці: Книги–ХХІ, 2010. – с. 55-65.
5. Шинкарюк О.В. Формування регіональної фінансової політики в контексті людського розвитку // Імперативи розвитку України в умовах глобалізації: III Міжнародної науково-практичної конференції (м. Чернівці, 13-14 травня 2011 року): Матеріали доповідей та виступів. – Чернівці: ЧДІЕУ, 2011. – с. 114-115. (0,1 д.а.).
6. Шинкарюк О.В. Стан фінансування людського розвитку в Україні // Формування парадигми багатосторонніх економічних відносин в рамках ініціатив Східного партнерства: Збірник матеріалів XIV Міжнародної науково-практичної конференції 27 травня 2011 р. – К.: УДУФМТ, 2011. – с. 381-384.

Ястребцева А.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

На современном этапе развития российского общества так называемый «университетский вопрос» составляет краеугольный камень политических и социально-философских дискуссий о просвещении и перспективах развития образования. В рамках общественных обсуждений решается судьба университетов в условиях рыночной экономики и демократизации общества, и, прежде всего, это касается автономного статуса университета по отношению к государству. Однако полисемичность понятия *автономии* создает массу препятствий на пути изучения истории образовательных и академических учреждений. С одной стороны, автономия может быть представлена лишь как метафора, служащая для обозначения университетского пространства, для которого характерен набор принципов организации и функционирования, закрепленных в *понятии академической автономии*. С другой стороны, академическая автономия является лишь видом профессиональной автономии, определяющей границы

власти и потенциальные возможности академического сообщества. Наконец, академическая автономия является институциональной характеристикой университета, в соответствие с которой университет предстает единым актором перед лицом других корпоративных объединений в социокультурном и политико-экономическом измерении².

Академический мир всегда вынужден был искать ресурсы для автономного существования, то находясь в оппозиции, то находя компромиссы с государственными институтами. В широкой исторической перспективе можно выделить три инстанции, перед лицом которых университет постоянно вынужден был самоопределяться: политическая власть (сначала городские власти, затем власть монархическая), церковь и рынок³.

Таким образом, стремление к автономии было отличительной чертой уже первых средневековых университетов, академическое сообщество которых постепенно трансформировалось от корпорации к привилегированному сословию. Однако в Новое время было утрачено однозначное семантическое определение академической автономии. До сих пор ее значения многоварианты, а интерпретация зависит в большей степени от конкретных социально-исторических и культурных условий, нежели от некой универсальной идеи университета, иначе говоря, значение университетской автономии определяется локальными версиями университетской независимости, непосредственно связанными с национальными политическими культурами и традициями. Так, если в Гёттингене автономия представляла собой корпоративное самоуправление, Парижский университет был основан на академической исследовательской свободе, то в России создание университетской системы в XVIII-XIX было сопряжено с выработкой нового типа автономии интеллектуалов, рекрутированных в первые российские университеты из-за рубежа. Речь шла о независимости локального культурного сообщества.

Специфика возникновения университетов в России состояла в том, что заимствование германской университетской идеи (Гумбольдтовская модель) сопровождалось в XIX столетии активным использованием риторики, характерной для университетской политики в Германии. Российские власти и университеты также рассуждали о демократии в университетах и апеллировали к их автономному статусу. Вместе с тем, отсутствие в российской империи социальной потребности и запроса общества на университетское фундаментальное образование делало власть единственным гарантом существования университета в России. Даже рекрутирование иностранных педагогов в первые

² Концепт автономии возвращает нас к философии И. Канта, который противопоставил ее гетерономии, понимая под автономией идентичность того, кто определяет закон в противоположность тому, кто закону лишь подчиняется. Субъект свободен при условии, что он способен сохранять идентичность своего индивидуального сознания в практическом разуме, то есть в моральном сознании трансцендентального субъекта, детерминируя собственным разумом свою волю. Таким образом, ценность автономии предполагает самоограничение индивида посредством его сознательного волевого подчинения универсальному закону (см. Renault A. L'ère de l'individu. Contribution à une histoire de la subjectivité. - Paris, Gallimard, 1989. P. 56). Иначе говоря, ценность автономии составляет конститутивный элемент идеи демократии.

³ Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Âge. - Paris : Le Seuil, 2000. P. IV.

десятилетия существования университетов в России не могло изменить тотального финансового, административного и идеологического контроля власти над университетами.

Признание и преданность университетских корпораций политическим интересам государства, согласие подчиняться его контролю в вопросах преподавания и исследований способствовали профессионализации высшего образования в России в соответствии с государственными потребностями. Такова была одна из основных причин успеха советского университета, тотальным образом подчиненного государственному заказу, прежде всего, в военной сфере и в сопряженных с ней областях научного знания – математике и физике. Характерно, что особенность университетских корпораций, отличавшая их от других видов корпоративных объединений, привела, во-первых, к выработке ими специфических стратегий корпоративного поведения, что выразилось в создании ряда небольших автономных университетских городов; во-вторых, к активному использованию при самоописании университетов таких колониальных метафор, как «остров в океане невежества», «храм», «свет во тьме» и т.п.⁴ При этом члены университетского сообщества были вынуждены апеллировать к власти как к защитнику и к судье в случаях корпоративных конфликтов как внутри университетов, так и при их столкновении с другими корпоративными объединениями.

В противоположность надеждам и чаяниям мыслителей XIX столетия, в эпоху постмодерна в российских университетах имеют место иные тенденции: окостенение и схематизация образования, дифференциация все больше и больше специализирующихся дисциплин, бюрократизация университета и т.п. И дело не только в бюрократизации административного ресурса, но и в утрате стимула к бескорыстному поиску истины в самой академической среде. В современном мире наука стала мыслиться лишь как одна из рациональных, более или менее эффективных подсистем общества потребления, почти утратив тем самым свою способность производить новое концептуальное знание и формировать новые поколения ученых путем вовлечения молодежи в процесс научного исследования. Наука трансформировалась в исключительно производительную силу, нейтральную с аксиологической точки зрения, колонизируя жизненное пространство человека через различные техники и рациональную бюрократию. Отсюда парадоксальность современного мира : мир уже структурирован в соответствие с принципами научной рациональности, однако наука давно утратила свое критическое жало и превратилась в простое средство для реализации навязанных ей извне целей.

Очевидно, что включение университета в рыночные связи имеет как позитивные, так и негативные последствия, что особенно четко проявляется в эпоху господства неолиберальной идеологии: рынок оказывает сегодня наиболее су-

⁴ О метафорах «остров», «корабль», «океан», «море» в колониальных текстах см. Pels P. The Anthropology of Colonialism : Culture, History, and the Emergence of Western Governmentality//Annual Review of Anthropology, 1997, №26. P. 174.

щественное воздействие на фундаментальную науку, трансформируя университет в фабрику по производству образовательных услуг и разрушая университетскую корпорацию, превращая ее членов в экспертов на службе различных политических и экономических институтов.

В современном мире отсутствуют привилегированные автономные территории. Государство и экономика предстают как требовательные могущественные клиенты университета, все больше и больше подчиняющегося требованию экономической эффективности и рациональности. Однако любое учреждение остается жизнеспособным и эффективным до тех пор, пока оно оплодотворяется своей идеей. Но нет до сих пор ответа на вопрос, в чем суть идеи «современного университета»?

Постсоветская эпоха оказалась чрезвычайно травматичной для академических свобод и академической автономии, поскольку крах Советского союза в 1991 г. не только означал деструкцию социального и политического порядка в целом, но и заставил радикальным образом переосмыслить сущность и концепцию всех его социальных институтов. Советская «модель» университета также не могла остаться незатронутой радикальными социальными и политическими изменениями. Однако делать выводы об их последствиях пока рано и с исторической и с философской точки зрения, поскольку «постсоветская эпоха» еще не завершилась, а сами изменения носят отныне перманентный характер. То же, что в дискуссиях об университете обозначают обычно как «современный университет», не является пока ни строго определенным концептом, ни новой моделью университета, а служит лишь обозначению современного его состояния и проблем. А при том, что университет находится сегодня в процессе постоянной трансформации, «современный университет» - понятие более чем расплывчатое. Постсоветская эпоха отмечена двумя важнейшими процессами в отношении становления университета: резким увеличением количества ВУЗов, в том числе, университетов, и приватизацией некоторых из них либо частными коммерсантами, либо целыми корпорациями. Тотальное вовлечение университетов в рыночные процессы выразилось, прежде всего, в появлении дополнительных платных специальностей наряду с бесплатным финансируемым из государственного бюджета образованием, и в создании новых университетов, предлагающих исключительно платные услуги. Это резко увеличило число студентов ВУЗов⁵, что способствовало превращению высшего образования в своего рода профилактику безработицы, тогда как в советское время получение диплома о высшем образовании имело целью достижение его обладателем более высокого социального статуса.

⁵ Так, согласно данным Министерства образования Российской Федерации, начиная с 1990 г., число ВУЗов в России к 2005 увеличилось с 514 до 1 068. Если в 1990 г. не было ни одного негосударственного ВУЗа, то уже в 2005 г. их было зарегистрировано 413. Число студентов, следовательно, тоже возросло: в 1990 г. на пером году обучения в ВУЗах обучалось 584 000 чел., тогда как к 2005 г. их число возросло до 1 640 000 чел. (см. официальный сайт Министерства Образования РФ: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml>).

Другое отличие советской эпохи состояло в создании системы среднего профессионального образования (на базе ПТУ). Эффективность этой системы также обуславливалась ее подчинением интересам государства, главным образом, его потребностями в военной и технической сферах, особенно после 1945 г. и в начале Холодной войны. С крахом СССР, с вступлением России в эру рыночной экономики и либерализации эта система была практически разрушена. Конец Холодной войны и политика либеральных реформ в России привели к деградации инженерного и технического образования, а также к резкому снижению инвестиций государства в военные и в сопряженные с ними научные сферы. Напротив, социальные и экономические науки оказались в авангарде общественного образования⁶.

Если в технических Вузах в постсоветскую эпоху наблюдалось резкое уменьшение численности студентов, то иначе обстояло дело с социально-экономическими и правовыми специальностями. Относительная легкость более или менее быстрого достижения ряда материальных благ их выпускниками вызвала к ним большой интерес со стороны общества и способствовала формированию социального заказа на создание новых учреждений высшего образования, предоставляющего услуги в данных сферах знания. Однако качество образовательных программ и преподавания во многих новых ВУЗах не соответствовало ни установленным в советское время стандартам, ни мировым требованиям. Это во многом объяснялось отсутствием необходимого количества квалифицированных в данных областях знания педагогов, а также снижением требований к абитуриентам при поступлении в ряд «новоиспеченных» ВУЗов в их борьбе за количественные показатели. Это привело к актуальному до сих пор кризису высшего образования в России. Одним из ключевых проявлений кризиса стала девальвация в общественном сознании классического университетского образования и обесценивание университетских дипломов, которые являются отныне не столько свидетельством уровня приобретенных знаний и навыков, сколько формально необходимым условием для получения высокооплачиваемой работы и соответствующего ей социального статуса.

Поскольку университеты в России всегда были зависимы от государства, прежде всего, в вопросах финансирования, рыночная экономика и слоганы либерализации и институциональной денационализации общественных учреждений, которые власть декларировала начиная с 1990-х гг., лишь углубили кризис

⁶ В середине XX века Ч. П. Сноу противопоставил естественнонаучную культуру культуре гуманитарной. В своем анализе их «несовместимости» он указал, прежде всего, на отсутствие между ними общего языка и, как следствие, взаимопонимания и взаимопомощи. Представляется, что в современную эпоху такой подход к «гуманитарным наукам» безнадежно устарел. Вряд ли можно называть современным и успешным гуманитария, не владеющего арсеналом точных наук и неспособного применять его при анализе собственных научных проблем. Это же утверждение верно и в отношении так называемых естественников, игнорирующих доводы и достижения гуманитарных наук, не способных поставить метавопросы о пределах естественнонаучного знания. В этом смысле чрезвычайно актуальным сегодня, с философско-культурологической и социально-исторической точек зрения, оказываются исследования неокантианцев баденской школы (Г. Риккерт, В. Виндельбандт), выступивших против традиционного разделения научных дисциплин на науки о природе и науки о духе.

российского университета. Они были вынуждены адаптироваться к новым условиям и искать ресурсы для выживания и собственной конкурентоспособности на рынке услуг и труда, стремясь удовлетворять постоянно меняющиеся запросы общества. Одни университеты делали ставку на традиционную особенность «классических» университетов, в том числе, ориентируясь на достижения советского университета в точных и естественных науках. Сторонники этой точки зрения настаивали на необходимости укрепления государственного статуса университетов и сопротивлялись их либерализации. Другие университеты и институты накапливали частные ресурсы наряду с государственными инвестициями и пытались выработать альтернативу «классическому» «устаревшему» советскому образованию. Эта альтернатива состояла в реализации классических университетских программ с акцентом на изучение социальных и экономических наук. Для этих ВУЗов финансовая и административная поддержка со стороны государства также по-прежнему оставалась чрезвычайно важной в процессе их выхода и самоопределения на рынке образовательных услуг.

В этих условиях об автономии университетов практически не говорили, хотя и очевидной стала необходимость выработать новую университетскую модель национального университета, с одной стороны, соответствующую задачам государства, а с другой - адекватную мировым стандартам, и главный стандарт, характерный для развитых индустриальных стран, – наличие университетской автономии. Однако современное академическое сообщество в России, как и раньше, не демонстрирует ни особого желания, ни тем более готовности бороться за эту автономию. Повторюсь, что университет, как корпорация, объединяющая ученых на основе общих для них интересов, никогда не существовала в России. Притязания на академические свободы были характерны не столько для сообщества ученых в целом, сколько для отдельных его членов, особенно для тех, чьи профессиональные интересы и контакты выходили за пределы российского академического мира.

Однако постепенно университеты все больше и больше стали проявлять свою претензию на автономию, поначалу ограничиваясь требованием финансовой и административной независимости, а затем и переосмысливая и понятие академических свобод. Отсутствие непосредственного государственного заказа в адрес университетского образования привело к тому, что университеты были вынуждены изыскивать дополнительные средства, помимо государственных инвестиций, и эти средства добываются путем удовлетворения частных заказов в области прикладных научных исследований.

В федеральном законе 1996 г. «Об образовании» можно обнаружить уже более или менее внятное определение «автономии»: она состоит в «самостоятельности в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке». В том же законе определяется и академическая свобода: «Педагогическим работникам из числа профессорско-преподавательского состава, научным работникам и студентам высшего учеб-

ного заведения предоставляются академические свободы, в том числе свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также свобода студента получать знания согласно своим склонностям и потребностям. Предоставляемые академические свободы влекут за собой академическую ответственность за создание оптимальных условий для свободного поиска истины, ее свободного изложения и распространения»⁷. Очевидно, что в этом вопросе российское законодательство закрепляет принцип самоорганизации университетов, выработанный еще в Средние века⁸, и, в то же время, подчиняется принципам международного соглашения о независимости университетов перед лицом государственной власти⁹.

Академическая свобода является необходимым элементом гражданского общества, поскольку предполагает наличие публичной аргументированной дискуссии, направленной на взаимный диалог и поиск компромисса между университетом, государством и обществом. Автономные университеты составляют сущностный элемент демократии. Автономия и коллегиальность определяют структуру и политику участия университета в академической деятельности, и, в то же время, делают возможной концептуализацию демократического процесса в учреждениях высшего образования¹⁰.

Один из важнейших аспектов университетской автономии состоит в признании права педагогов самостоятельно определять структуру и содержание преподаваемых курсов. Однако на эту компоненту автономии оказывают влияние другие институциональные акторы, в частности, работодатели, рекрути-

⁷ Закон от 22 августа 1996 № 125 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (статья 3). См. <http://www.legis.ru/misc/doc/653/>

⁸ Российский историк Н. Суворов отметил естественность и справедливость того, что судьей тому, кто изучает определенную науку, должно быть лишь сообщество ему равных – то есть академическое сообщество, к которому он принадлежит (см. Суворов Н. Средневековые университеты. – Москва: Товарищество Кушнарев и Ко, 1898. С. 58). Ж. Де Гофф также подчеркнул, что « в Боломье конфликт между университетом и буржуа был намного более жестким, нежели в правление Коммуны, которая до 1278 г. практически безраздельно управляла городом под властью суверена, и эта власть была далека от власти императора, например, от Ф. Барбароссы, который в 1158 г. предоставил педагогам и студентам определенные привилегии» (Le Goff J. *Les intellectuels au Moyen Âge*. – Paris : Le Seuil, 2000. P. 77).

⁹ В соответствии с «Рекомендацией, адресованной педагогическому персоналу в высшем образовании» (*Actes de la 29e session de la Conférence générale de UNESCO, Paris, 21 octobre-12 novembre 1997*), «полное осуществление академических свобод и выполнение функций и обязанностей, перечисленных ниже, требует автономии высших учебных заведений, то есть их гибкости, необходимой для того, чтобы эти институты могли принимать эффективные решения, касающиеся их академической деятельности, правил их функционирования, их управления и других соответствующих действий в той мере, в какой они соответствуют системе общественного контроля, особенно в отношении их государственного финансирования, и уважают академические свободы и права человека. [...] Автономия является институциональным выражением академических свобод и необходимым условием реализации преподавателями и учреждениями высшего образования соответствующих им функций [...] Такова обязанность государств-членов по защите автономии высших учебных заведений от любой угрозы, откуда бы она не исходила. Самоуправление, коллегиальность и соответствующее академическое руководство являются важными элементами подлинной автономии высших учебных заведений» (см. <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001102/110220f.pdf>, p. 29).

¹⁰ Buchbinder H. The market oriented university and the changing role of knowledge//Высшее образование, 1993, Т. 26, №3. С. 331-347.

рующие выпускников ВУЗов. Так, отечественные исследователи А. Филиппов и Д. Куракин справедливо отмечают, что в широком спектре смыслов и значений понятия *корпорации* современный университет как никогда отвечает критериям эффективного предприятия, и все меньше соответствует идее духовно независимого академического сообщества¹¹.

Крах СССР и сопровождавший его экономический коллапс способствовали децентрализации российского образования и возрождению социальных дискуссий о судьбе университетов¹². В этих дискуссиях вопрос об автономии непосредственно связывается с вопросом об институциональном самоуправлении академического сообщества, тогда как вопрос об академической свободе индивида, как конститутивного элемента этого сообщества, остается чаще всего вне обсуждений. Отчасти объяснить это можно отсутствием в российской университетской традиции привычки к борьбе за личностную свободу; однако университетский дискурс всегда был направлен на поиск и обоснование корреляции между научными исследованиями и университетским образованием, с одной стороны, и потребностями государства, с другой стороны, никак не связанными с ожиданиями отдельных индивидов и порой даже с ожиданиями общества в целом. Вопрос прав человека в сфере образования, несмотря на принятие закона о свободном доступе к учреждениям высшего образования, никогда не составлял в России приоритетной темы в общественных дискуссиях. Впрочем, созданный летом 1992 г. Российский союз ректоров, цель которого состоит в «сохранении и развитии традиций и базовых принципов отечественной системы образования – качества, доступности, академических свобод»¹³, призван способствовать, в том числе, и этой цели. Союз ректоров стал чрезвычайно влиятельной общественной организацией, объединяющей ректоров всех ВУЗов России. Независимость ректоров обеспечивается, прежде всего, системой их выборности. Кроме того, время от времени судьба кресла федерального министра образования находилась в их руках.

Первое десятилетие XXI века прошло под знаком централизации российской системы образования. С 1998 г., когда наметился экономический рост, федеральное правительство сделало существенные бюджетные инвестиции в развитие университетов. В результате, ВУЗы России оказались под контролем Министерства науки и образования, тогда как в советскую эпоху большая часть образовательных учреждений подчинялась министерствам соответствующего профиля. Этому способствовало и создание федеральных университетов¹⁴, со-

¹¹ Куракин Д., Филиппов А. Возможность корпорации: к социологическому описанию университета//Неприкосновенный запас, 2006, № 4-5. С. 48-49.

¹² В России с тех пор возникло более ста журналов, на страницах которых анализируются различные аспекты образовательной политики. Наиболее важными среди них, служащими ареной для публичных дискуссий, являются «Вопросы образования» (издается с 2004 г.), «Высшее образование в России» (издается с 1994), «Alma mater – Вестник высшей школы» (издается с 1990 г.) и другие.

¹³ См. Устав Общероссийской общественной организации «Российский Союз ректоров» <http://rsr-online.ru/documents.htm> (п.2.1.2)

¹⁴ В ходе реализации национального проекта «Образование» начался процесс создания больших образовательных коммун, федеральных университетов, целью которых является повышение качества управления учрежде-

пряженное с концентрацией ресурсов на улучшении их менеджмента с целью формирования единой системы управления университетами. Однако, в отдельных случаях, разрастание административной иерархии ведет к уменьшению индивидуальной академической свободы отдельных профессоров. И, хотя пока рано говорить о последствиях создания федеральных университетов для академической свободы, очевидно, что зависимость Российского союза ректоров от федерального правительства постепенно становится все более сильной. С отказом от выборности руководителей регионов, идея оставить в прошлом выборность ректоров также широко обсуждалась в обществе, хотя и не была полностью реализована (Президент Российской Федерации назначает ректоров двух главных университетов России – МГУ и СПбГУ)¹⁵.

К концу первого десятилетия XXI века уровень субстанциальной автономии и автономии процедуральной, или функциональной, университетов значительно снизился, поскольку получение приоритетного финансирования для большинства университетов означает их дополнительные обязательства перед государством в развитии образовательных программ и централизованных исследований. Что касается личностной академической свободы, то ее границы оказались не идентичными в разных образовательных учреждениях и зависят, в конечном счете, от политики ректорского совета конкретного университета. Федеральные университеты и национальные исследовательские университеты¹⁶ получают больше свободы и больше возможностей (в том числе, финансовых) для более успешной реализации их академической деятельности¹⁷.

Таким образом, налицо новая трансформация университетского мира в России, связанная с увеличением статусных отличий между ВУЗами: возможно, что специфика организационного статуса того или иного университета определит в ближайшем будущем степень его академической автономии. Эта тенденция отмечена некоторыми современными российскими авторами: «...ситуация неравенства возникает и в высшей школе в связи с появлением небольшой группы вузов, получающих значительно более мощную финансовую и иную поддержку, чем подавляющее большинство учебных заведений высшего профессионального образования»¹⁸.

Российские исследователи, изучающие современное высшее образование и отслеживающие все изменения в этой системе, особое внимание уделяют тем

ниями высшего образования. Помимо двух первых федеральных университетов на Юге и в Сибири в конце 2009 г., были созданы еще пять университетов того же типа: Северный арктический федеральный университет, Казанский приволжский федеральный университет, Уральский федеральный университет, Дальневосточный федеральный университет и Северо-восточный федеральный университет.

¹⁵ См., напр., Савицкая Н., Трофимов А. Время красной профессуры//Независимая газета, № 254, 23 ноября; Василенко К. Образование под контролем//Время новостей, 2006, № 81, 15 мая.

¹⁶ См. Указ Президента РФ от 7 октября 2008 года [о реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов](http://минобрнауки.рф/) (<http://минобрнауки.рф/>)

¹⁷ Весной 2010 г. эти университеты объединились в Ассоциацию ведущих ВУЗов страны (см. Черных А. Высшая школа хочет подняться повыше. Создана Ассоциация ведущих вузов страны//Коммерсант, 2010, № 98, 3 июня).

¹⁸ Зборовский Г. Модернизация образования сквозь призму социальной политики//Журнал исследований социальной политики, 2010, т. 8, № 1. С. 87-104.

рискам, которые несет эта трансформация академического пространства в России, подчас негативно сказывающаяся то на качестве, то на структуре высшего образования. Ими отмечено, например, снижение уровня реальной университетской автономии¹⁹. Она сталкивается сегодня с новыми вызовами эпохи: укреплением массового характера высшего образования, менеджериализацией университетских структур, коммерциализацией и приватизацией науки и образования, глобализацией рынка образовательных услуг и интеграцией университетов в идеологический проект создания в России национального государства.

Массовый характер современного высшего образования в России является следствием революции, произошедшей сначала в системе среднего образования, а затем, после Второй мировой войны, затронувшей и область высшего образования. Главным индикатором «образовательной революции» является значительный рост численности студентов ВУЗов²⁰, что, в конечном счете, затруднило межличностную коммуникацию внутри академического сообщества²¹ и, тем самым, ослабило его и без того слабые корпоративные связи, основанные на общем интересе.

Вместе с тем, современный университет в России остается объектом социальной политики государства, и при этом реализует принципы корпоративного самоуправления. Так, согласно принципу миметического изоморфизма²², организационная структура воспроизводит общие свойства деловой корпорации: менеджмент в сфере образования играет свою роль в усилении бюрократизации университетов.

Коллегиальность академического сообщества была фактически подменена принципом нового менеджериализма. В соответствии с ним, индивидуальная свобода и автономия преподавателя приносится подчас в жертву, если того требуют интересы управляющего органа. Рост менеджериализма в течение по-

¹⁹ См., напр., Henkel M. Can academic autonomy survive in the knowledge society? A perspective from Britain//Higher Education Research & Development, 2007, vol. 26, № 1, March. P. 87-99; Yokoyama K. Changing Definitions of University Autonomy: The Cases of England and Japan//Higher Education in Europe, 2007, vol. 32, № 4, December. P. 400-409; Chiang Li-Chuan. The relationship between university autonomy and funding in England and Taiwan//Higher Education, № 48, 2004. P.189-212; Михель Д. Университетская интеллигенция и бюрократия: борьба за университетские свободы в постсоветской России//Неприкосновенный запас, 2007, № 1 (51).

²⁰ Как пишет Т. Парсонс, «одной из черт этой новой революции является распространение начального образования. До начала XIX в. в любом достаточно многочисленном обществе даже элементарная грамотность не выходила за пределы небольшого элитарного круга. Попытка дать образование всему населению стала радикальным прорывом. Формальное образование в учебных заведениях насчитывает долгую историю, но до образовательной революции оно охватывало лишь небольшую долю в каждом поколении и продолжительность его была гораздо меньше, чем в наши дни. Революция поэтому означала колоссальный сдвиг в сторону равенства возможностей. В каждом последующем поколении постоянно уменьшается число людей, лишенных возможности получить образование, необходимое для достижения различных статусов и в сфере занятости, и в стиле жизни. Особенно заметным сдвигом в этом направлении было распространение совместного обучения для лиц обоего пола» (Парсонс Т. Система современных обществ [1960]. – Москва: Аспект Пресс, 1998. С. 127).

²¹ Schmidt E.K., Langberg K. Academic Autonomy in a Rapidly Changing Higher Education Framework Academia on the Procrustean Bed ?//European Education, vol. 39, № 4, winter 2007–8. P. 80–94.

²² Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях//Экономическая социология, 2010, том 11, № 1, р. 34-56.

следних двух десятилетий связан с проникновением неолиберальных принципов в систему государственного администрирования.

Здесь обнаруживаются две проблемы: во-первых, принятые на основе концепции менеджериализма решения сомнительны с этической точки зрения; во-вторых, методы управления университетами ставят под вопрос демократические принципы принятия решения, что непосредственно проявляется в общественном секторе²³. Проникающий в университетскую систему менеджериализм бросает серьезный вызов институциональной автономии университетов, а также профессиональной автономии академического сообщества²⁴.

В процессе вовлечения университетской науки и образования в непрозрачные сети рынка выявляется ряд важных феноменов. Так, университеты постепенно трансформируются из объектов социальной политики в рыночных агентов на рынке образовательных услуг. Это свидетельствует не только о системной кооперации университетов и деловых корпораций, но также о разворачивании конкуренции между университетами на национальном и международном уровнях. Коллегиальная практика принятия решений, традиционно характерная для академического сообщества, сменяется практикой делового корпоративного управления, когда скорость принятия решений становится более значимой, нежели выработка общего скоординированного мнения на пути к взаимопониманию (Хабермас). Таким образом, изменяется символический смысл автономии: университеты становятся научными предприятиями, экономическая автономия которых оказывается более важной, чем автономия интеллектуальная; университеты должны быть управляемыми как частные предприятия²⁵.

Понятие «академического капитализма», введенное и проблематизированное С. Слаутером и Л. Лесли²⁶, поставило академическую свободу перед новыми вызовами: количественное увеличение исследований, поддерживаемых частными корпорациями, изменяет смысл и значение научного труда и ставит под вопрос академические свободы как таковые. Практика патентов и закрытый характер многочисленных исследований, осуществляемых по корпоративному заказу, становится важнейшим фактором академической жизни. Идея фундаментальной науки заменяется идеей стратегических исследований, связанных во

²³ Согласно австрийскому автору М. Консидину, менеджериализм в государственном управлении имеет четыре характерные черты: во-первых, акцент на измеряемых результатах управления и на его производительности; во-вторых, инструментализм управления, то есть государственная политика вырабатывается руководителями министерств и департаментов прежде, чем быть реализованной служащими тех же самых департаментов; в-третьих, интеграция, то есть высокий уровень координации и согласованности в деятельности различных правительственных департаментов; в-четвертых, гарантированность общей направленности в деятельности государственных служб (Considine M. The corporate management framework as administrative science: a critique // Australian Journal of Public Administration, vol. 47, № 1. P. 4-18.

²⁴ Влияние «менеджеральной революции» на современные университетские системы хорошо прослеживается в работе Вахштайна В. Две модели образовательных систем: континентальная и атлантическая // Прогнозис, 2006, №3. С. 321-352.

²⁵ Le Gall B., Soulié Ch. Réforme du gouvernement des Universités et actualisation du conflit des facultés en France // Laboratorium, № 1, 2008. P. 65-82.

²⁶ Slaughter S., Leslie L. Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University. - Johns Hopkins UP, 1997.

многим с неакадемическими интересами. В ходе реформ в сфере высшего образования академический труд становится все более бюрократизированным и прозрачным для внешнего контроля.

Другой важнейший аспект «орыночивания» образования состоит в изменении восприятия университета и университетского образования его главными потребителями – студентами. Университет утратил свою ауру храма науки и трансформировался в гигантский супермаркет, предлагающий многочисленные дисциплинарно дифференцированные виды знаний и практических навыков. Рациональное действие потребителя заключается в стремлении обладать продуктом наивысшего качества, например, дипломом наиболее престижного ВУЗа, чтобы впоследствии конвертировать его в высокий финансовый и социальный статус. Таким образом, интеллектуальная модель студенчества радикальным образом изменилась. Система образования, со своей стороны, не рассматривает отныне студента как наследника специфических эпистемологических традиций, но как потребителя образовательных услуг и одновременно как продукт, находящийся в стадии производства, предназначенный для рекламирования данного образовательного учреждения на рынке по факту завершения им учебы в ВУЗе.

Таким образом, современные дискуссии об университете вплоть до сегодняшнего дня не провоцируют даже постановку под вопрос легитимности самой университетской идеи. Старые проблемы (устаревшая нормативная база, массификация образования, снижение качества образовательных услуг, орыночивание образования и превалирование его практическая ориентация и т.п.) не порождают, в конечном счете, новых смыслов университета. Более того, то, что можно назвать новой «идеей» университета в условиях рыночной экономики и гражданского общества, не имеет сегодня ничего общего с идеалом, университет все больше профессионализируется и ориентируется на практику, стремясь удовлетворять социальные и экономические потребности в значительно большей степени, нежели транслировать культурные традиции и производить новые фундаментальные знания. В этом смысле стремление к автономии академического сообщества растворяется в различных государственных институтах, реализуя одновременно как образовательную функцию, так и общественную (ученый становится экспертом, а университетский преподаватель все чаще не столько увлечен фундаментальными научными исследованиями, сколько популяризирует уже выработанные знания вместо того, чтобы их производить). Это стремление имеет в качестве цели финансовую, административную, функциональную автономию, но никак не свободу духа, которая не может быть характерной чертой экономического актора, охваченного жадной наживы, но остается свидетельством духовного аристократизма. Единственным средством для выживания университетов в условиях глобальной конкуренции является отказ от сугубо инструментальной и прагматической идеи университета. Университеты вынуждены сегодня приобретать опыт автономной социализации в обществе свободы, основанном на «новом» типе академической рациональности.